

ИЗ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ ВЕКА

Документальные фильмы о Максиме Горьком и Дмитрии Шостаковиче

Кадр из фильма «Альтовая соната». В центре — Дмитрий Шостакович.

Рано утром телевидение показало первую серию «Жизни Климата Самгина» и в тот же день поздно вечером — документальный фильм «М. Горький. Последние годы». Уже не специально ли сверхоперативно подготовлена к 120-летней годовщине писателя двойная премьера? Это заслуживало бы особой похвалы, но в титрах документального фильма указан год его создания: «1967». Значит, еще одна картина снята с «полки»? Но за что она туда попала?

Вот Горький, вернувшись из Италии, путешествует по стране, посещает колонию Макаренко в Куряже... Открывает первый съезд писателей... Хроника официальная, из киножурналов — что, собственно, в ней «полочного»? Но драматург Борис Добродеев и режиссер Семен Аранович садятся за монтажный стол студии «Леннаучфильм» не для того, чтобы склеить еще одну кинокомпиляцию. Они умеют выстроить из торжественной хроники драму. Они мастерски сделали это еще двадцать лет назад, но деятели, не любящие драмы и трагедии, отправили фильм туда же, где лежали и другие прекрасные ленты.

Теперь мы смотрим этот фильм, более художественный, чем многие ленты, которые принято так называть.

Секрет Добродеева и Арановича простым не назовешь: в коротких эпизодах хроники — а она была в те годы сверхлаконичной, пунктирной — они находят отпечатки всей жизни человека. По частностям, как археологи, собирают целое. А целое — история души человека. За визуальным, протокольным, зримым обнажают то, что Горький называл **нервно-мозговым**.

...Негромко звучит голос повествователя — мы сразу узнаем его, это актер Ефим Копелян, его уже нет в живых. Он будто перелистывает страницы давних писем, дневников. Оживают реплики Алексея Максимовича, обращенные то к близкому человеку, то к самому себе. В них тревога. Что ждет российскую интеллигенцию? Как избежать перерождения классового в кастовое? Деспотизм не только кровав, он глуп, и этим особенно опасен. Нет ничего вреднее для государства, чем глупость... Тяжелые предчувствия у Горького, не дающие покоя мысли — таков внутренний мир человека, привыкшего пропускать через себя бури века. Не надеяться на свое всезнание и всепонимание, помнить за собой немалые заблуждения.

Искусство монтажа примерно то же, что искусство контекста в литературе. Монтаж в этом фильме обнаруживает глубокое беспокойство Горького: он недоволен самим собой. Самый знаменитый писатель все еще не знает, как писать, чтобы помочь людям строить задуманное общество. Станет ли «Жизнь Климата

Самгина» — история пустой души, как назван роман в одном из черновиков, его главной книгой, осмыслением пережитого, посланием в будущее? С кем ты, Горький? С самим собой он на «ты», тут дипломатия неуместна.

Прочитав роман-эпопею, Фадеев, Пришвин, Пастернак благодарят автора от души, они видят в нем воспреемника заветов русской классики, а вот Федор Гладков бросает в лицо Горькому строгие обвинения — будто он не любит людей, высокомерен к ним. Значит, можно и так понять роман? Трудно быть Горьким. Он — не памятник,

он ранимый человек, сознающий свою роль в жизни общества. Ему предоставлен для удобного проживания особняк миллионера Рябушинского, но в этом доме хозяин почему-то никогда не бывает один. Зябко ему здесь.

Вглядитесь в глаза Горького на крупных планах. Какая боль в них! Вот писатель в кадре с Роменом Ролланом, своим другом, приехавшим в Москву. Когда они встретились наконец после долгой переписки, неловко молчат.

Недавно «Московские новости» познакомили читателей с подробностями пребывания Ромена Роллана

в Москве, с его попытками облегчить участь жертв сталинских репрессий. Несколько строк из дневников Роллана послужили авторам фильма источником драматического напряжения. Если бы Горький мог — разгадывает Роллан по-своему молчание Горького, — он залил бы мой жилет слезами...

Зрителю дано быть третьим участником, толкователем этой встречи.

В жизни Горького, как в высокой драматургии, развитие действия непредсказуемо, четыре правила арифметики недействительны, посту-

пки неоднозначны. Всей душой предан он революции и социализму, по-юношески влюблен в ее деятельных прорабов, но почему же люди изменяются куда медленнее, чем ожидалось, и все чаще озадачивает ход событий?

Нет, не пришла жизнь Горького в тихую пристань, как можно было бы судить по официальной хронике.

И еще одна документальная драма о художнике — «Альтовая соната». Шостакович — человек иного склада, и судьба его — другого состава. Но и он влюблен в свою молодую страну, готов всеми силами служить социализму, как служили ему Маяковский, Мейерхольд, Эйзенштейн. Он из того же круга творческой интеллигенции. И так же драматична его участь. «Я хочу быть понятой моей страной, а не буду понят, что ж...» Мужественная грусть Маяковского, звучащая в этих словах (автор не захотел показаться обиженным судьбой, и строка осталась в черновике), была ведома и его товарищам. Вычеркнутая из поэмы, строка могла бы стать эпиграфом и к «Альтовой сонате» — фильму Бориса Добродеева, Семена Арановича и Александра Сокурова, посвященному судьбе Шостаковича.

Ты людям — всего себя, ты создаешь музыку века, как Маяковский — его поэзию, как Мейерхольд — его сценический эпос, а в ответ — «Сумбур вместо музыки».

Завершить сонату для альты уже не довелось. Вот сюжетная канва фильма, так же проникающего в мир души художника, полного любви к современности и жестоко страдающего от, скажем так, неполной взаимности.

Музыка Шостаковича — о трагизме родственных судеб: сколько еще прекрасных наших мастеров испытали ту же горечь непонимания, несправедливости. В ней звучат и радость, и мужество, и «разрушительные силы» — так очень точно назвал дирижер Евгений Мравинский ту жестокую антимузыку, которую испытывали на себе современники. Шостакович был ранен этими силами и не считал себя вправе улаживать слух сограждан только нежными мелодиями. Он передавал многоголосие жизни.

И снова через руки драматурга и режиссеров прошел огромный репортажный материал. Снова информационное становилось образным. Вот семейная фотография: маленький Митя Шостакович прижимается к матери. Обычное фото из семейного альбома. Но вы улавливаете недетскую грусть в глазах мальчика: будто он видит то, что пока неведомо окружающим. И вновь наше зрение обостряет монтаж: наивное семейное фото поставлено в «контекст» с кадрами прощания с композитором...

Знаем ли мы все возможности документальной ленты? Сегодня пробил ее час.

Яков ВАРШАВСКИЙ.